

Рождение страха

Едва Сюй Чунь переступил порог павильона Тысячи Осеней, как его встретили дружными возгласами:

— Хозяин вечера посмел опоздать! Штрафную!

— Три чаши до дна!

Сюй Чунь с улыбкой поклонился всем присутствующим:

— Прошу прощения, господа, задержался по семейным делам. Я выпью, непременно выпью.

Не успел он договорить, как ему уже поднесли огромный кубок, до краёв наполненный вином.

При виде такого сосуда Сюй Чунь побледнел и, выставив руку, с улыбкой взмолился:

— Прошу, смените на малую чашу! Я право же, не силён в вине.

— Столько людей тебя дожидалось, — раздался гул голосов, — как минимум одну осушить обязан!

Наследник князя Пинъюань, Сюн Вэньфу, и внук князя Ина, Се Цзи, уже засучивали рукава, готовясь силой влить в него вино.

Наконец Се Фэй с улыбкой вмешался:

— Пощадите Сьюаня, господа. Вообще-то, сегодня должен был угощать я, но, увы, все большие залы в лучших столичных заведениях оказались заказаны. Сьюань сам вызвался помочь и найти место. Благодаря ему у нас есть этот просторный зал с прекрасным видом на сцену, да и угощения отменные. Он и потратился, и похлопотал, а мы его ещё и штрафовать будем? Мне совестно.

В этот момент наследник князя Гуйдэ, Су Линьюй, тоже вступился:

— Мы ещё не обсудили главное дело. Как же мы будем говорить, если напоим Сьюаня допьяна?

Толпа со смехом отступила, и огромный кубок сменили на малую чашу. Сюй Чунь осушил три чаши подряд, и лицо его тут же залилось румянцем, а взгляд затуманился.

Се Фэй усадил его рядом с собой.

— Я собрал вас всех, — с улыбкой начал он, — по случаю приближающегося праздника Дуанью. По традиции, во дворце состоятся состязания в честь императора. В этом году из Государевой академии вызвалось немного команд. Я подумал, не собрать ли нам свою? Заявимся на стрельбу по ивовым мишеням, цуцзюй, поло и гонки на драконьих лодках. Заслужим славу перед государем.

Все с воодушевлением согласились. Второй сын князя Сюаньдэ, Юань Гуанцин, взял кисть, чтобы вести запись. Началось обсуждение и запись желающих. Сюй Чунь никогда не отличался ни учёностью, ни воинскими умениями. Стрельба, цуцзюй, поло, гонки на лодках — ни в чём из этого он не был силён, да и телосложением не вышел. К тому же, три чаши вина, выпитые наспех, ударили в голову. Он молча сидел в стороне и ел пирожные.

Когда дошли до конца списка, выяснилось, что команда для гонок на драконьих лодках неполная. Оказалось, для этого состязания требовалось умение плавать, а среди северян таких было немного. Как ни старались, перебирая всех, кто хоть как-то держится на воде, всё равно не хватало одного человека. Се Фэй, видя, что Сюй Чунь пьёт чай, спросил:

— Сьюань, ты плавать умеешь?

— В детстве двоюродный брат немного учил, — ответил Сюй Чунь, — но я давно не плавал. Могу лишь сказать, что с трудом не утону.

— Решено! — отрезал Се Фэй. — Ты участвуешь! Команда в сборе. До праздника ещё больше полумесяца, успеешь потренироваться. К тому же, ты хозяин вечера, как можно не участвовать?

Все тут же подхватили:

— Верно, верно!

Сюй Чунь прекрасно понимал, что его взяли для счёта лишь потому, что у него были деньги, и это облегчит организацию тренировок. Эти отпрыски знатных родов, хоть и выглядели блестяще, на деле были крепко связаны по рукам и ногам домашними правилами. Но он с детства привык, что люди ищут его дружбы ради денег, и не видел в этом ничего особенного.

— Раз старшие братья не боятся, что я, слабый, потяну команду назад, — с улыбкой ответил он, — то я приложу все силы.

Команда была собрана, и все с радостью предались веселью. Сюй Чунь заранее всё устроил, выбрав изящные и красивые новые пьесы, такие как «Пионовая беседка» и «Повесть о яшмовом пестике», полные утончённой красоты.

Когда на сцену вышли актёры в великолепных костюмах, с прекрасными лицами, зазвучала изысканная мелодия флейты, лёгкая и воздушная, уносящаяся в облака. А когда они запели, их голоса, звонкие и чистые, казалось, остановили плывущие по небу облака. Зал взорвался аплодисментами.

— Я слышал, что представления в павильоне Тысячи Осеней хороши и занимательны, — удивлённо произнёс Се Фэй, — но публика здесь слишком разношёрстная, да и расположен он на отшибе. Не ожидал, что сегодня, придя сюда, увижу такое прекрасное зрелище. Похоже, сюда можно заглядывать почаще.

— Рад, что наследнику понравилось, — улыбнулся Сюй Чунь.

Одна такая похвала, и все эти знатные господа станут чаще заказывать здесь залы. Рано или поздно сегодняшние траты окупятся. При этой мысли улыбка Сюй Чуня стала ещё слаще.

— Я же просил, не называй меня наследником, — сказал Се Фэй. — Посмотри, сколько здесь наследников, ты и сам — наследник. Зови меня просто Фэйюй.

— Фэйюй-сюн, — с готовностью подхватил Сюй Чунь, — не желаешь ли виноградного сорбета, чтобы освежиться?

Се Фэй всё больше убеждался, что Сюй Чунь — человек приятный и обходительный.

— Почему ты сегодня не позвал своего брата? — спросил он.

— Он ждёт назначения на должность и скоро уезжает из столицы, поэтому у него много дел. Но если бы Фэйюй-сюн прислал ему приглашение, он бы непременно пришёл.

— Странно ты говоришь, — улыбнулся Се Фэй. — Почему это по моему приглашению он бы пришёл? Я ведь с тобой дружен больше, а с твоим братом виделся всего пару раз.

— Разве не говорят, что Фэйюй-сюн представил моего старшего брата императору?

Се Фэй смущённо кашлянул, прикрыв рот рукой.

— Это не совсем так. Всё дело в той картине с бабочкой, которую ты нарисовал у меня. Император попросил меня составить ему компанию в просмотре картин и, увидев твою работу, пришёл в восторг. Он похвалил меня, но как я мог присвоить себе твои заслуги? Я тут же

объяснил, что это работа наследника князя Цзин, а я лишь добавил бабочку. Государь высоко оценил изящество и глубину замысла, сказав, что нарисовано превосходно.

Сюй Чунь замер, его лицо залилось краской.

— Фэйюй-сюн, вы слишком добры. Как могли мои неумелые мазки удостоиться внимания государя?

— Почему же нет? Эта картина до сих пор во дворце! Похоже, император не собирается мне её возвращать. Позже, когда он снова призвал меня для игры в шахматы, едва я сделал несколько ходов, как он спросил, не нарисовал ли я чего-нибудь нового. Я ответил, что рисовал лишь цветы и птиц. Тогда он спросил о наследнике из резиденции Цзин, не создал ли тот новых картин. К несчастью, ты тогда болел, и я мог лишь ответить, что ты, отметив успешную сдачу экзаменов братом, выпил лишнего и слёг. Император удивился, что в резиденции Цзин оба брата столь талантливы. Это и привело к тому, что на банкете в честь сдавших экзамены он так милостиво обошёлся с твоим братом.

— Вот это история! — воскликнули все.

— Я бы сказал, этот вечер стоило устроить, — улыбнулся Су Линьюй, наследник князя Гуйдэ.
— Если бы не Фэйюй, подготовивший почву, разве сияла бы сегодня резиденция князя Цзин таким светом?

Все тут же зашумели:

— Тост! За это нужно выпить!

Сюй Чунь был вынужден встать и поднять чашу.

— Всё это благодаря пронизательности Его Величества, — поспешно сказал Се Фэй, смеясь. — Не смею присваивать себе заслуг. Пьём все вместе!

Вечер прошёл в оживлённой беседе, и лишь когда луна поднялась высоко в небо, гости, довольные и весёлые, разошлись.

С того дня у Сюй Чуня, помимо занятий в Государевой академии и выполнения домашних заданий, появилось ещё одно дело — ежедневные тренировки с командой по гребле на драконьих лодках. Возвращаясь в квартал Бамбуковых Ветвей, он тоже не позволял себе расслабляться и заново учился плавать. К счастью, четверо его слуг были родом из Минь и превосходно держались на воде. Каждый день они составляли ему компанию в озере за домом, помогая оттачивать мастерство.

В один из таких дней Се И, на удивление рано закончив с делами, увидел за окном ясную

погоду и решил, пока небо залито закатным светом, съездить в квартал Бамбуковых Ветвей. Он подъехал верхом к задним воротам и увидел у ивы на берегу Чуньси и Дунхая. Заметив его, они поспешно поклонились.

— Девятый господин.

— Что вы здесь делаете? — спросил он, не слезая с коня.

— Наследник записался в команду по гребле, — ответил Чуньси, — для участия в состязаниях в честь праздника Дуанью. Последние дни он не только тренируется в гребле, но и решил отточить своё умение плавать. Сейчас Сячао и Цюху с ним в озере. Сегодня солнце припекает, вода ещё тёплая, так что не простудится.

Се И слегка улыбнулся.

— Это дело серьёзное. Каждый год лодки переворачиваются. Тому, кто плохо плавает, участвовать нельзя. Ваш наследник с его-то сложением... не будет ли он обузой для команды?

— Что правда, то правда, — рассмеялся Чуньси. — Но, как сказал наследник, почти все оказались сухопутными крысами. А он хоть в Минь плавать учился, так что его взяли для счёта. На победу в этой дисциплине никто и не надеется, лишь бы не опозориться.

Се И не смог сдержать улыбки и тоже посмотрел на середину озера. И в самом деле, он увидел троих пловцов, направлявшихся к берегу. Двое по бокам, очевидно, были Сячао и Цюху, они плыли уверенно, прикрывая Сюй Чуня, который изо всех сил грёб руками в центре.

Сюй Чунь, шумно дыша, подплыл ближе и, подняв голову, увидел Се И. Его лицо озарилось радостью.

— Девятый братец! — крикнул он издалека.

Затем он снова опустил голову в воду и, работая руками, достиг берега. С помощью Чуньси и Дунхая он выбрался из воды, мокрый с головы до ног, и с улыбкой обратился к Се И:

— Девятый братец! Вы приехали!

Яркий закат, словно расплавленное золото, окутывал стройную фигуру юноши сиянием, полным живой силы. Он был почти взрослым, с широкими плечами и узкой талией, с крепкими, упругими мышцами. Капли воды стекали по его гладкой, нежной коже, словно по молодой иве, вытянувшейся в самый свой срок.

Глаза, в которых смешались прозрачность янтаря и сладость мёда, взглянули на него всё с тем

же пылом и прямотой, словно готовые в любой миг отдать ему всё, что у них было.

Взгляд Се И скользнул по узкой талии юноши, по его длинным, прямым ногам. Внезапно из глубины души поднялось странное чувство, похожее на многолетнюю жажду и одновременно на трепет, пронизывающий до самого естества. Это было и сладкой наградой, и жестоким приговором.

Внезапно он ощутил страх. Словно в детстве на охоте, когда в лесу он столкнулся с тигром. Зверь затаился в траве, его золотистые зрачки долго смотрели на него, и в этой жуткой тишине он беззвучно отступил.

Это было нечто, способное уничтожить его, но в то же время обладавшее красотой, что потрясала до глубины души.

<http://bllate.org/book/16990/1589324>